

Ольга Лесовикова

Вдень нитку в иголку

– Оля, вдень нитку в иголку.

И я вдеваю, быстро и легко, тут же убегаю, ведь меня ждут деревья. Бесстрашно лезу почти до самой верхушки и смотрю на мир свысока, мои ноги исцарапаны ветками, но я счастлива.

– Оля, вдень нитку в иголку.

Вдеваю с разбега и удивляюсь, как можно не видеть такое большое ушко, не понимаю, зачем бабушка латает старые вещи. Это так смешно, она надевает дырявый носок на перегоревшую лампочку и штопает, аккуратно закрепляя край, и нитка к нитке заполняет зияющую пустоту. Мне десять, я люблю обновки. Я расту и за лето то, что было как раз, становится маловато, коротковато, и почти новые вещи раздаются друзьям и родственникам. Мама хочет экономить, но я не люблю вещи на вырост, когда рукава, как у Пьеро, плечо не на месте, впрочем, так же не приемлю и тесные вещи, я люблю, когда впору.. Пора лета – ситцевая и воздушная, мне легко в сандалиях, мне сладко во круг, всюду ягоды, фрукты, впечатления... долго сияет солнце, и жизнь видится длинной...

Бабушка вздыхает и просит:

– Оля, вдень нитку в иголку.

И я вдеваю.

Приезжает мама. У нее отпуск. Ей хочется успеть помочь на весь год.

И она торопится, шьет обновы, заказывает уголь и дрова, моет, драит, убирает, крутит компоты, варит варенье...

Огромный таз похож на озеро, в котором плавают вишня, – будущее варенье. У старого ореха есть печь, которую называют «кутунья», а слышится «котунья».

Не знаю, почему это смешное глиняное сооружение с дырявым ведром-дымоходом называют именно так, но придумываю историю, что на самом деле это зимний дом кошек, а летом, когда коты спят на ветках деревьев, они отдают его людям, и те устраивают из их жилища печь, вспоминаю сказку «Кошкин дом», напеваю «Тили-тили-тили-бом! Загорелся кошкин дом... Бежит курица с ведром...». Ношу из колодца воду, помогаю маме, заливаю огромную кастрюлю, в нее помещается пять трехлитровых бутылей, мама стоит у огня, регулирует кипение, закаточным ключом закрывает летние дары, чтобы бабушка в зимние дни открыла секрет витаминов и была здорова. Мама заботится...

А еще в этом огне мама потихоньку сжигает старые бабушкины вещи.

Ба протестует, когда замечает, что мама унесла ее старенькую рубашку, майку, ночнушку, требует вернуть. Мама не отдает.

Бабушка приговаривает:

– Посмотри, какое оно мягонькое, я ж латаю, оно без дыр.

– Ветхое все, глянь, толку от твоих латок.

Мама тянет за край рубахи, показывает бабушке огромную дыру и бросает рубашку в печь, пламя обнимает ткань и пляшет на ней последний танец.

Бабушка, опустив плечи, уходит, причитая и сетуя:

– Новое оно не такое, жесткое оно для моей кожи, чужое, не родное.

Идет в дом перепрятывать то, что мама еще не успела отдать огню.

– Оля, вдень нитку в иголку.

Вдеваю.

Я вдеваю нитку в иголку каждый божий день... и вчера, и сегодня... вдеваю без просьбы:

– Оля, вдень нитку в иголку.

Моей бабушки давно нет на земле, она смотрит с большого пушистого облака и улыбается. Ведь я пробую попасть в ушко иголки и не могу, глаза уже не те, и нитки не слушаются. Зато слух

обостряется, и я знаю, что ветхие вещи умеют говорить, слышу их голоса. Люблю возвращать целостность старым вещам, заполняя новое пространство памятью предков. Вот старая наволочка. Мне говорят, что она на ладан дышит, и пора бы ее выбросить, а я не могу, она вышита рукой пра-пра. А вот самовар, он достался от пра... вот молоток, старый такой, рукоятка затерта, металл щербат, но это память о прадедушке...

Можно с нуля, без склада чужих историй? Наверняка можно, но думаю – это иллюзия, связующая прорвется в сон, и ты ощутишь нехватку этих тактильных опор, этих земных якорей. Мы приходим в этот мир ниточкой сквозь игольное ушко и тянем род свой, длим его... Нам дали нить, и может быть, мы хотели шелк вместо грубой бечевки, но рисунок нашей жизни в наших руках.

